

- неудачным, см., нашу точку зрения (*Mažiulis V. Hethitico-Baltica. — In: Rakstu krājums . . . Jānim Endzelīnam. Rīga, 1959, 173—180*), поддержавшую Э. Бенвенистом (в его книге *Hittite et indo-européen. Paris, 1962*).
- ⁴ Об этом и.-е. *bhā- / *bhā- см. *Pokorny I, 104—105*.
- ⁵ Относительно других германских примеров см. *Pokorny I, 426 (s. v. gheidh-)*.
- ¹¹ Соответствующий кельтский материал см. *Pokorny*, там же.
- ¹² См.: *Urbutis V. Valiūtė etimologijos etimadaī. Vilnius, 1981, 60*.
- ¹³ Больше подобных примеров из разных индоевропейских языков см.: *Urbutis V. Op. cit., 60—62*.
- ¹⁴ Данное и.-е. *gheis- несомненно восходит к (более древнему) и.-е. *ghei- (+*s-).
- ¹⁵ Ср. *Urbutis V. Op. cit., 183*.
- ¹⁶ Ср. *Ibid., 182—184*.
- ¹⁷ См., например: *Pokorny I, 425—426 (s. v. 2. ghei-)*. Примечание: имеется гипотеза (см. ВСЯ III 29—31), согласно которой первоначальным значением для данного и.-е. *ghei- объявлено 'лить' (а и.-е. *ghei-m- 'зима' возведено к *'пора дождей'). Суть этой гипотезы такова: принимается родство этого же и.-е. *ghei- (: *ghi-) с и.-е. *gheu- (: *ghu-) 'лить' на основании того допущения, что соотношение сонантов и.-е. *i- (: *ghe-i-; *gh-i-) и *u- (: *ghe-u-; *gh-u-) обусловлено их чередованием в конце о с н о в ы (Там же, 30, разрядка наша. — В. М.). Однако данные сонанты, в действительности, находятся не «в конце о с н о в ы», а в конце к о р н я (и.-е. *ghe-i-; *ghe-u-), т. е. они являются и н т е г р а л ь н ы м и (а не суффиксальными и т. п.!) элементами «трехфонемных» праиндоевропейских корней (о них см.: *Benveniste E. Origines de la formation des noms en indo-européen. P., 1935*) — таких корней, для которых предлагаемое «чередование» не доказуемо. Следовательно, нет оснований принимать родство и.-е. *ghei- (: *ghi-) с и.-е. *gheu- (: *ghu-) 'лить', а тем самым — и значение 'лить' для и.-е. *ghei- (: *ghi-).

В. В. Мартынов

СЛАВЯНСКИЕ ПРОТЕЗЫ И ЭТИМОЛОГИЧЕСКАЯ ЭВРИСТИКА

Во втором томе этимологического словаря белорусского языка содержится статья, посвященная происхождению лексемы *вятка*. Найденное здесь оригинальное решение сводится к тому, что *вятка* 'толпа, стадо, артель' — деминутивное образование от **вята*, а последнее возникло в результате присоединения протезы *и* к праслав. *jata* 'стадо, стая, толпа, братство, поход, вереница' (ср. с.-хорв. *jato*, словен. *jāta*, *jāto*, болг. *ято*, макед. *ято*, рус. *ятво*, *ятва*, *ятовь*) (ЭСБМ, 2, 330)¹. Как видно из приведенных параллелей, лексема зафиксирована главным образом в южнославянских языках. У восточных славян, не считая церковнославянизмов, мы находим параллели к ней в севернорусских говорах (вариант *-ъва*), что бесспорно указывает на ее праславянский возраст. Поэтому включение основного белорусского, смоленского и исковского регионов в ареал распространения лексемы носит принципиальный характер. Механизм преобразования **jata* > **вята* иллюстрируется ссылкой на две другие белорусские лексемы: *вячай*, *вятроўка*, которые имеют в белорусских говорах дублиеты *ячай* 'ячейка' и *ятроўка* 'ятровь'. Таким образом мы наблюдаем здесь отмеченное на ограниченной территории и в сравнительно новое время присоеди-

нение *и*-протезы к словам с *й*-началом. Последнее не всегда является славянской протезой, как можно судить по неславянским параллелям: прасл. *jato* ~ др.-инд. *yātam* 'поход, вереница', праслав. *jętry* ~ лит. *jėntė* 'ятровь', но праслав. (j)ęčaja ~ лит. *ánka* 'петля, сетчатая ткань'. Действительно трудно себе представить, чтобы в процессе присоединения *и*-протезы к словам с *й*-началом, в последнем различались случаи с исконным *й*-началом и *й*-протезой, возникшей на славянской языковой почве. Во всяком случае фонетические критерии подобного разграничения вряд ли возможны. Поэтому следует говорить не только о мене протез, но и своеобразной конглютинации протез.

Древность подобных процессов подтверждается такими праславянскими лексемами как **jutro*, **vepřь*, **vezati*, которые, по-видимому, иллюстрируют «сильное протезирование», т. е. присоединение протезы к началу, противоположному ей по тембру: протетического гласного переднего ряда к полугласному началу заднего ряда и наоборот². По крайней мере во второй из них, учитывая лат. *aper* 'вепрь', др.-в.-нем. *ebur* то же, следует представить ее возникновение как конглютинацию протез: *vepřь* < **jepřь* < *aper* (ср. блр. *вяпрук*, *япрук* и *ванер*, *вянер*). При условии первичности *и*-протезы в праславянском мы ожидали бы **ворпřь*.

Несмотря на наличие большой литературы, посвященной проблеме славянских протетических звуков³, общей теории протез до сих пор не существует, что, естественно, затрудняет этимологизирование. Этимологи предпочитают не пользоваться примерами изолированных, нерегулярных фонетических изменений, в том числе примерами мены протез, однако установление закономерностей здесь возможно лишь при наличии достаточного числа убедительных этимологических решений. Таким образом, налицо *circulus vitiosus*. Единственным выходом из создавшегося положения является поиск этимологий, допускающих мему или конглютинацию протез и в то же время надежных по каким-либо иным показателям.

Рассмотрим конкретный пример такого подхода к решению проблемы. Хорошо известное блр. *ёлуп*, *ёлон* 'дурак', укр. *йолуп*, *йолон* то же не имеет достаточно убедительной этимологии. Рус. смолен. *ёлуп* входит в белорусский ареал, а польск. *jolar* — результат проникновения из восточнославянского. Мы предлагаем новую этимологическую версию, которая основывается на белорусских формах глагола и прилагательного: *ёлупіць* 'вытаращить глаза', *ёлупівы* 'вытаращенный (о глазах), глуповатый'. Из этого можно сделать заключение, что *ёлуп* < **луп*- (ср. *лупіць вочы* 'тарашить глаза'). Эта этимология подтверждается блр. *валапокі*, рус. смолен. *волопокий* 'пучеглазый' (< **волопо-окий*). В слове *волопокий* мы выделяем в качестве первой основы *волопо-* (< **луп*-). Таким образом *валапокі* : *лупаты* = *вірлавокі* : *вірлаты*. Все сопоставленные здесь лексемы имеют значение 'пучеглазый, лупоглазый'.

Такое этимологическое решение позволяет объяснить приведенные формы как дублетные образования с разными протезами: **й*-о- *лупь* / **и*-о- *лупь* (со вставкой *о*-призвука между протезой и

последующим сонантом). Поскольку этот процесс зарегистрирован как белорусско-украинская инновация, особых трудностей хронологического характера не возникает. Однако в связи с данной этимологией обнаруживается возможность реконструкции для *lipŕь* еще праславянской протезы в праслав. *glipŕь* (ср. укр. *глухий* 'глухой' и *glupiti* 'пялить глаза, глазеть'), где *g*-начало может быть непосредственно присоединено к сонанту). Для праславянского языка известны такие случаи мены протез как *gŕsenica* ~ *ŕsenica* (> *vŕsenica*), *gŕžь* ~ *ožь* (> *vŕzati*) и др.

Подтверждением правильности этой этимологии является история группы лексем, общих по происхождению с рассмотренными выше, но столь разошедшихся семантически, что мы их с полным правом можем считать омонимичными. Так, блр. *ĕlan* 'неурожайная песчаная почва' можно с дальнейшей деэтимологизацией соотносить с *ĕlup*. В этом случае исходная форма выглядела бы аналогично: **lup*. Правильность такой реконструкции подтверждают такие лексемы как *лупляк* 'сланец, потрескавшая почва', *лупа* 'струп', восходящие к праслав. *lipiti* 'снимать поверхностный слой, пробивать'. С *g*-началом этим лексемам соответствует с.-хорв. *glupa* 'углубление, отверстие, щель'⁴. Параллелизм этих двух примеров резко повышает надежность соответствий и позволяет с большей уверенностью обратиться к рассмотрению иной лексики. Накопление примеров, аналогичных рассмотренным выше, с одной стороны, должно привести к уточнению характера мены и конглютинации протез в праславянском, а с другой — способствовать совершенствованию этимологических решений для лексем, вовлеченных в этот процесс.

С точки зрения возможностей объяснения праславянского *g*-начала специальный интерес представляет дублет **jašcerь* / **gušcerь* (ср. с.-хорв. *gjušter*, *gjušcer*, словен. *gušcar*, *gušcer*, *kušcar*, *kušcer*, ст.-слав. *гуштеръ*, болг. *гуштер*, макед. *гуштер*). То, что *g*-формы не являются специфически южнославянскими, подтверждают капубские и полабские параллели, кашуб. *gušcór*, словин. *güšcōra*, полаб. *gäustar*. Поскольку праслав. *jašcerь* (< иран. *ažtar*)⁵ в качестве первоначального дублета протез следует предположить **ježtar* / **možtar*. Из первой формы в дальнейшем возникло *jašcerь*, из второй с помощью вторичного *g*-начала — *gušcerь* (< *g-mošcerь*). Как показывает материал *g*-начало имело тенденцию к закрытию полугласных (*i*, *u*), чего нельзя сказать о *i*- и *u*-началах.

Материал также показывает, что протезы всех трех типов были характерны для праславянского языка. В нем, как в современных великопольских говорах, наблюдалось «сильное протезирование». Поэтому мена и конглютинация протез, охватывающая ограниченную территорию, относительно замкнутую группу диалектов, не демонстрирует никакой лингвогеографической привязки. Так, *i*-протеза, сменяющая старое *u*-начало, как и обратное явление, может характеризовать практически любую часть славянского мира. Различие заключается лишь в том, что у северных славян протезирование остается на большей части территории живым явлением, а у юж-

ных славян протезы восстанавливаются лишь как реликты. Такой подход позволяет восстановить реликт с *g*-началом как праславянскую *k*-протезу⁶.

Появление вторичной *i*-протезы в праславянском хорошо прослеживается на группе лексики блр. *ĕlani*, укр. *ĕlкий*, рус. *ĕлкий*, польск. *jelki*, *ilki* 'елкий'. Есть серьезные основания предполагать, что параллели к этому прилагательному не ограничиваются восточнославянско-польской компактной территорией (польские лексемы, возможно, — результат проникновения из белорусского и украинского). Уже предлагалось чеш. *žluknouti* 'прогоркнуть' вывести из **jьz-jelŕk-ŕoti* (Machek², 729) и сюда же отнести с.-хорв. *жакак*, словен. *žolhek* 'горький, ĕлкий'⁷. Праславянская лексема может быть реконструирована как *jelŕkь* < *jelŕ* (*i*-основа) с регулярной для этой основы *-kь*-суффиксацией. Праслав. *jelŕ* в свою очередь возводимо к *olŕ* (также с *i*-основой и поэтому морфологически тождественному) 'пиво'. Праслав. **olŕ*, как известно, отражает еще балтославянское название пива (ср. лит. *alus*, лтш. *alus*, др.-прус. *alu*) (ЭССЯ 6, 22). То, что здесь в качестве внутренней формы выступает признак горечи, показывает генетически соотносимое лат. *alūmen* 'квасцы'.

Типичную мена протез отражают варианты рус. *upeй* / блр., укр. *вырай*, восходящие к балт. *pluralia tantum* **iūriai*, отраженной в др.-прус. *iuriay* 'море'⁸. Русскую форму мы объясняли как результат перехода начального *iū* в *iī*, белорусско-украинскую в соответствии с традиций из фразеологизма *лететь* **vъ irejь*. Однако подобное весьма искусственное объяснение становится излишним, если мы предположим здесь мена протез. Тогда **iūriai* > рус. *upeй*, **iūriai* > бел.-укр. *вырай*.

Уникальным случаем сохранения реликтов всех трех протез в одной лексеме является с.-хорв. *jěmati* 'слабеть, уменьшаться, убывать'. Надежной общепринятой этимологии это слово не имеет, но оно имеет *i*-формы (*jěmati*), *u*-формы (*věnati se*), *k*-формы (*hěnati*), *ŕ*-формы (*añati*)⁹. Третья форма, по-видимому, отражает древнюю протезу, а четвертая — депротезированный вариант. Мы полагаем, что с.-хорв. *jěmati* восходит к праслав. *vědnŕti* 'увядать, слабеть, чахнуть'. От соответствующих с.-хорв. *věnuti*, *вєнути* глагол *jěmati* отличается наступившим в результате деэтимологизации переходом в класс глаголов на *-ati*, хотя предшествующий *n* указывает на реликт *-nŕ-ti*. Отражение *k*-протезы как *h*-начала (вместо ожидаемого *g*-начала) указывает на возможность двойкой рефлексации *k*-протезы в сербско-хорватском как *g*-начала (при замене фрикации смычкой) и *h*-начала (при замене звонкости глухостью).

Высказанные соображения дают основание для сплошного обследования славянской лексики на предмет выявления праязыковых протез трех типов (*i*, *u*, *k*), причем реликтом третьего может быть как *g*-начало, так и *x*-начало. При конглютинации протез *k*-начало перед *i* могло подвергнуться спонантизации. Необходимо по возможности исключить случаи, объяснимые как контаминация или как дославянский преформант.

- ¹ Ср. особо высокую оценку эвристической стороны этой этимологии В. Дм. Лобко в рецензии на второй том словаря, написанной В. А. Меркуловой (Этимология. 1981. М., 1983. 161).
- ² Как нам уже отмечалось (см.: Мартынов В. В. Славянская и индоевропейская аккомодация. Минск, 1968, 38), Е. Каллеман впервые обратил внимание на то, что палатализирующие и лабиализирующие славянские диалекты характеризуются фиксацией всех трех типов протез (*i, u, h*), причем йотовая протеза может выступать перед гласным заднего ряда, а билабиальная — перед гласным переднего ряда (см. *Callemann B. Zu den Haupttendenzen der urslavischen und altrussischen Lautentwicklung. Uppsala, 1950, 74*). По мере исчезновения палатализации и лабиализации происходит ликвидация протезирования как живого процесса при возможном сохранении начала, отражающего реликты старых протез.
- ³ См. в последнее время: *Ramovš F. O splošnih slovanskih pojavih pri protezi in hiatu. — SR V—VII, 1954; Debeljak A. O mrtvih velarnih predponah. — SR V—VII, 1954; Чалыков М. Начальное консонантно редуваное *g-: v-* в славянских диалектах. — Славистический сборник. С., 1968; Петлева И. П. К вопросу о *g-*протезическом в славянских языках. — В кн.: Этимология. 1976. М., 1978.*
- ⁴ Этот пример отсутствует в приведенной выше работе И. П. Петлевой, но упоминается в автореферате ее кандидатской диссертации.
- ⁵ См.: Мартынов В. В. Язык в пространстве и времени. М., 1983, 53.
- ⁶ Ср.: *Callemann B. Op. cit., 123*, который считает, что живое употребление всех трех протез в великопольских диалектах отражает еще праславянское состояние. Он приводит, однако, лишь перечисленные выше примеры (*jutro, vepř, vęzati*), хотя к ним можно было бы прибавить по крайней мере *gęź, gęsenica* и *guścęz*, начало которых в таком случае было бы реликтом праславянской *h*-протезы (ср. Мартынов В. В. Указ. соч., 40).
- ⁷ *Hadrovics L. Südslawische Beiträge zum russischen Etymologikon. — ZfS VII, 5, 1962, 651—652.*
- ⁸ См.: Мартынов В. В. Бел. выр. — Белорусская лингвистика, VII, 1975, 69.
- ⁹ Ср.: *Skok I, 773—774.*

А. К. Матвеев

К ИНТЕРПРЕТАЦИИ ОДНОЙ УСЛОВНОЙ ТОПОНИМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

О существовании условных (оказиональных) топонимических систем, которые создаются в случае необходимости исследователями-первопроходцами, военными, туристами, охотниками и т. п. и функционируют короткое время в узком кругу лиц, известно достаточно хорошо, но лингвистам уже по характеру своей деятельности редко приходится принимать участие в формировании таких систем, тем более сколько-нибудь систематически. На долю автора выпал счастливый случай: уже более пятнадцати лет он в составе группы охотников из трех человек активно участвует в создании условной топонимической системы для территории части Саргинского охотничьего хозяйства в Шалинском районе Свердловской области (верховья реки Баская). Кроме автора, в состав группы входят доцент А. Н. Левков (физик) и доцент Ю. Н. Тундыков (философ).

Начальный этап формирования этой условной топонимической системы уже был охарактеризован¹. Сейчас в ней более ста топонимов, которые накладываются на общезвестные в данной местности названия населенных пунктов и рек и в основном прилагаются к микрообъектам, существенным для охотников (названия логов, лугов, участков леса, дорог, троп, просек и т. п.).

Изучение топонимической системы в процессе развития, «в лаборатории», позволяет сделать некоторые выводы о путях ее формирования, конечно, неабсолютные, так как с течением времени номинация все чаще сопровождалась актами контроля (обсуждением новых названий), т. е. становилась более или менее специальной. Вместе с тем сразу же следует заметить, что узкая специализация каждого из участников этого своеобразного эксперимента не имела сколько-нибудь существенного значения для номинации, напротив, их принадлежность в целом к категории работников умственного труда явно сыграла определенную роль.

Статистически наиболее интересен высокий процент условных названий просек, дорог, троп (50 %). Это объясняется способом топонимического членения территории, а также типом ее хозяйственного освоения и согласуется с выводом А. Леруа-Гурана о двух главных видах восприятия пространства — «маршрутном» и «радиальном»². Естественно, что охотник прежде всего называет линии — «маршруты», пространства между ними, а также отдельные «точки» на линиях, при этом оказалось, что такие «точки» могут характеризоваться очень общим и в целом нетипичным для русской топонимии термином место (*Браконьерское место, Красивое место, Рыбацкое место*). Последнее свидетельствует об элементе произвольности в выборе географических терминов в процессе номинации и о значении фактора выбранной модели (ср. ниже о названии *Затерянный Мир* и др.), естественно, в пределах возможностей языка и, в частности, инвентаря апеллятивных и ономастических лексем и моделей. В связи с этим целесообразно привести примеры словосочетаний со словом место из пермских памятников XVII в.: *боровое место, кошениное место, пальчиковское место* (топоним?), *подморинное место, согорное место, степное место* и т. п.³

Из средств номинации широко распространен метонимический перенос, который нередко происходит в ущерб смыслу: *Свердловская избушка* (теперь не существующая избушка свердловских охотников) — *Свердловская дорога* (она идет не в Свердловск, а к Свердловской избушке). При этом подчас возникают цепочки названий: железнодорожный остановочный пункт *Берлога* — *Берложская узкоколейка* — *Берложская дорога* — *Берложская плотина* и т. п. Что касается других типов переноса, то среди них обращают на себя внимание привычные ассоциации: большой луг получает название *Безжин Луг*, длинный кольцевой маршрут — *Кольцо Нибелунгов*, треугольник между дорогами — *Бермудский Треугольник* (так в шутку называют и один из новых микрорайонов Свердловска). При возникновении таких названий срабатывает прочно усвоенная связь: если луг, то Безжин, если кольцо, то Нибелунгов, если треугольник, то